

Стихи (2). Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mandelshamjoseph.ru/> Приятного чтения!

Стихи (2). Осип Эмильевич Мандельштам

- silentium - Бесшумное веретено... - Возьми на радость из моих ладоней... -
Дано мне тело... - Декабрист - Довольно кукситься!.. - Жизнь упала, как
зарница... - Жил Александр Герцович... - За Паганини длиннопалым... - За
гремячую доблесть грядущих веков... - За то, что я руки твои не сумел
удержать... - Змей - Из омота злого и вязкого... - Как кони медленно ступают...
- Колют ресницы, в груди прикипела слеза... - Куда как страшно нам с тобой... -
Ленинград - Мастерница виноватых взоров... - Мне холодно. Прозрачная весна... -
Морожено! Солнце. Воздушный бисквит... - Мы живем, под собою не чуя страны... -
Нашедший подкову - Образ твой мучительный и зыбкий... - Отравлен хлеб, и воздух
выпит... - Петербургские строфы - Сегодня ночью, не солгу... - Собачья склока -
Среди лесов, унылых и заброшенных... - Темных уз земного заточенья... - Только
детские книги читать... - Тянется лесом дороженька пыльная... - Холодок щекочет
темя... - Чарли Чаплин - Это какая улица?.. - Я буду метаться по табору улицы
темной... - Я вздрагиваю от холода... - Я наравне с другими... - Я около
Кольцова...

* * * Из омота злого и вязкого Я вырос, тростинкой шурша, И страстно, и томно, и
ласково Запретною жизнью дыша.

И никну, никем не замеченный, В холодный и топкий приют, Приветственным шелестом
встреченный Коротких осенних минут.

Я счастлив жестокой обидою, И в жизни похожей на сон, Я каждому тайно завидую И
в каждого тайно влюблен. 1910 Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека
поэзии. Ростов-на-Дону, "Феникс", 1996.

* * * Я вздрагиваю от холода, Мне хочется онеметь! А в небе танцует золото,
Приказывает мне петь.

Томись, музыкант встревоженный, Люби, вспоминай и плачь, И, с тусклой планеты
брошенный, Подхватывай легкий мяч!

Так вот она, настоящая С таинственным миром связь! Какая тоска щемящая, Какая
беда стряслась!

Что, если, вздрогнув неправильно, Мерцающая всегда, Своей булавкой заржавленной
Достанет меня звезда? Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека поэзии.
Ростов-на-Дону, "Феникс", 1996.

* * * За гремячую доблесть грядущих веков, За высокое племя людей Я лишился и
чаши на пире отцов, И веселья, и чести своей. Мне на плечи кидается
век-волкодав, Но не волк я по крови своей, Запихай меня лучше, как шапку, в
рукав Жаркой шубы сибирских степей.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы, Ни кровавых кровей в колесе, Чтоб
сияли всю ночь голубые песцы Мне в своей первобытной красе,

Уведи меня в ночь, где течет Енисей И сосна до звезды достает, Потому что не
волк я по крови своей И меня только равный убьет. 17-28 марта 1931, конец 1935
Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону,
"Феникс", 1996.

ЗМЕЙ Осенний сумрак - ржавое железо скрипит, поет и разъедает плоть... Что весь
соблазн и все богатства Креза Пред лезвием твоей тоски, господь!

Я как змеей танцующей измучен И перед ней, тоскуя, трепещу, Я не хочу души своей
излучин, И разума, и музы не хочу.

Достаточно лукавых отрицаний Распутывать извилистый клубок; Нет стройных слов
для жалоб и признаний, И кубок мой тяжел и неглубок.

К чему дышать? На жестких камнях пляшет Больной удав, свиваясь и клубясь,
Качается, и тело опояшет, И падает, внезапно утомясь.

И бесполезно, накануне казни, Видением и пеньем потрясен, Я слушаю, как узник,
без боязни Железа визг и ветра темный стон! Осип Мандельштам. Избранное.
Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону, "Феникс", 1996.

* * * Темных уз земного заточенья Я ничем преодолеть не мог, И тяжелым панцирем
презренья Я окован с головы до ног.

Иногда со мной бывает нежен и меня преследует двойник, Как и я - он так же
неизбежен и ко мне внимательно приник.

И, глухую затаив развязку, Сам себя я вызвал на турнир, С самого себя срываю
маску И презрительный лелею мир.

Я своей печали недостоин И моя последняя мечта Роковой и краткий гул пробоин
Моего узорного щита. Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека поэзии.
Ростов-на-Дону, "Феникс", 1996.

СОБАЧЬЯ СКЛОКА Перевод из Огюста Барбье

1

Когда тяжелый зной гранил большие плиты На гулких набережных здесь, Набатов
вспаханный и пулями изрытый Из 1000 решечен был воздух весь; Когда Париж кругом,
как море роковое, Народной яростью серчал И на покашливанье старых пушек злое
Марсельской песни отвечал, Там не маячила, как в нашем современьи, Мундиров
золотых орда, То было в рубище мужских сердец биенье, И пальцы грязные тогда
держали карабин тяжелый и граненый, А руганью набитый рот Сквозь зубы черные
кричал, жуя патроны: "Умрем, сограждане! Вперед!

2

А вы, в льняном белье, с трехцветкою в петлице, В корсет затянутые львы,
Женоподобные, изнеженные лица, Бульварные герои, вы, Где были вы в картечь, где вы
скрывались молча В дни страшных сабельных потерь, Когда великий сброд и с ним
святая сволочь В бессмертьи взламывали дверь? Когда Париж кругом давился
чудесами, В трусливой подлости своей Вы, как могли, тогда завесили коврами Страх
ваших розовых ушей...

3

Свобода - это вам не хрупкая графиня, Жеманница из Сен-Жермен, С черненной
бровкою и ротиком в кармине И томной слабостью колен, Нет, это женщина грудастая,
большая, Чей голос груб и страсть сильна, Она смугла лицом, и, бедрами качая,
Проходит площадью она. Ей нравится народ могучий и крикливый, И барабанный
перекат, Пороховой дымок и дальние наплывы, Колоколов густой набат. Ее любовники
- простонародной масти, И чресла сильные свои Для сильных бережет и не боится
власти Рук, не отмытых от крови.

4

То дева бурная, бастильская касатка И независимость сама, Чья роковая статья и
твердая повадка В пять лет народ свела с ума. А после, охладев к девическим
романам, фригийский растоптав колпак, С двадцатилетним вдруг бежала капитаном
Под звуки труб в военный мрак. И великаншею - не хрупкою фигуркой С трехцветным
поясом встает Перед облупленной расстрелом штукатуркой, Нам утешенье подает, Из
рук временщика высокую корону В три дня французам возвратит, Раздавит армию и,
угрожая трону, Бульжной кучей шевелит.

5

Но стыд тебе, Париж, прекрасный и гневливый! Еще вчера, величья полн, Ты помнишь
ли, Париж, как, мститель справедливый, Ты выкорчевывал престол? Торжественный
Париж, ты ныне обесчещен, О город пышных похорон Разрытых мостовых, вдоль стен
глубоких трещин, Людских останков и знамен. Прабабка городов, лавровая столица,
Народами окружена, Чье имя на устах у всех племен святится, Затмив другие имена,
Отныне ты, Париж, - презренная клоака, Ты - свалка гнусных нечистот, Где
маслянистая приправа грязи всякой Ручьями черными течет. Ты - сброд бездельников

Стихи (2). Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
и шалопаев чинных, и трусов с головы до ног, что ходят по домам и в розовых
гостиных Выклянчивают орденки. Ты – рынок крючников, где мечут подлый жребий
Кому падет какая часть Священной кровию напитанных отреший Того, что раньше было
власть.

6

Вот так же, уязвлен и выбит из берлоги, Кабан, почуя смерти вкус, На землю
валится, раскидывая ноги, В затылок солнечный укус, И с пеною у рта, и высунув
наружу Язык, рвет крепкие силки, И склоку трубит рог, и перед сворой дюжей
"Возьми его!" – кричат стрелки. Вся свора, дергаясь и ерзая боками, Рванется.
Каждый кобелек визжит от радости и ляскает зубами, Почуяв лакомый кусок. И там
пойдет грызня и перекаты лая С холма на холм, с холма на холм. Ищейки, лягаши и
доги, заливаясь, Трясутся: воздух псарней полн. Когда кабан упал с предсмертною
икотой, Вперед! Теперь царюют псы. Вознаградим себя за трудную работу клыков и
борзые часы. Над нами хлыст умолк. Нас грозный псарь не дразнит, По нашу душу не
свистит, Так пей парную кровь, ешь мясо – это праздник!

..... И, как охочая к труду
мастеровщина, Налягут все на теплый бок, Когтями мясо рвут, хрустит в зубах
щетина, Отдельный нужен всем кусок. То право конуры, закон собачьей чести: Тащи
домой наверняка, Где ждет ревнивая, с оттянутою шерстью Гордичка-сука муженька,
Чтоб он ей показал, как должно семьянину, Дымящуюся кость в зубах И крикнул:
"Это власть! – бросая мертвечину. Вот наша часть в великих днях..." Осип
Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону, "Феникс",
1996.

* * *

1000 [Обращено к О. Арбениной] Возьми на радость из моих ладоней Немного солнца
и немного меда, Как нам велели пчелы Персефоны.

Не отвязать неприкрепленной лодки, Не услышать в меха обутой тени, Не превозмочь
в дремучей жизни страха.

Нам остаются только поцелуи, Мохнатые, как маленькие пчелы, Что умирают, вылетев
из улья.

Они шуршат в прозрачных дебрях ночи, Их родина – дремучий лес Тайгета, Их пища –
время, медуница, мята.

Возьми ж на радость дикий мой подарок, Невзрачное сухое ожерелье Из мертвых
пчел, мед превративших в солнце. Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная
библиотека поэзии. Ростов-на-Дону, "Феникс", 1996.

* * * Я буду метаться по табору улицы темной За веткой черемухи в черной
рессорной карете, За капором снега, за вечным, за мельничным шумом...

Я только запомнил каштановых пряжей осечки, Придымленных горечью, нет – с
муравьиной кислинкой, От них на губах остается янтарная сухость.

В такие минуты и воздух мне кажется карим, И кольца зрачков одеваются выпушкой
светлой, И то, что я знаю о яблочной, розовой коже...

Но все же скрипели извозчичьих санок полозья, В плетенку рогожи глядели колючие
звезды, И били вразрядку копыта по клавишам мерзлым.

И только и свету, что в звездной колючей неправде, А жизнь проплывет
театрального капора пеной; И некому молвить: "Из табора улицы темной..." Весна
1925 Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону,
"Феникс", 1996.

ДЕКАБРИСТ "Тому свидетельство языческий сенат, Сии дела не умирают" Он раскурил
чубук и запахнул халат, А рядом в шахматы играют.

Честолюбивый сон он променял на сруб В глухом урочище Сибири, И вычурный чубук у
ядовитых губ, Сказавших правду в скорбном мире.

Шумели в первый раз германские дубы, Европа плакала в тенетах, Квадриги черные

Стихи (2). Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
вставали на дыбы На триумфальных поворотах.

Бывало, голубой в стаканах пунш горит, С широким шумом самовара Подруга рейнская тихонько говорит, Вольнолюбивая гитара.

Еще волнуются живые голоса О сладкой вольности гражданства, Но жертвы не хотят слепые небеса, Вернее труд и постоянство.

Все перепуталось, и некому сказать, Что, постепенно холодея, Все перепуталось, и сладко повторять: Россия, Лета, Лорелея. Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону, "Феникс", 1996.

* * * Я наравне с другими Хочу тебе служить, От ревности сухими губами ворожить. Не утоляет слово Мне пересохших уст, И без тебя мне снова Дремучий воздух пуст.

Я больше не ревную, Но я тебя хочу, И сам себя несу я, Как жертву палачу. Тебя не назову я Ни радость, ни любовь. На дикую, чужую Мне подменили кровь.

Еще одно мгновенье, И я скажу тебе, Не радость, а мученье Я нахожу в тебе. И, словно преступленье, Меня к тебе влечет Искусанный в смятеньи Вишневый нежный рот.

Вернись ко мне скорее, Мне страшно без тебя, Я никогда сильнее Не чувствовал тебя, И все, чего хочу я, Я вижу наяву. Я больше не ревную, Но я тебя зову. Песнь Любви. Стихи. Лирика русских поэтов. Москва, Изд-во ЦК ВЛКСМ "Молодая Гвардия", 1967.

* * * Бесшумное веретено Отпущено моей рукою. И - мною ли оживлено Переливается оно Безостановочной волною Веретено.

Все одинаково темно; Все в мире переплетено Моею собственной рукою; И, непрерывно и одно,

Обуреваемое мною Остановить мне не дано Веретено. Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону, "Феникс", 1996.

* * * Жизнь упала, как зарница, Как в стакан воды - ресница. Изолгавшись на корню, Никого я не виню.

Хочешь яблока ночного, Сбитню свежего, крутого, Хочешь, валенки сниму, Как п 1000 ушинку подниму.

Ангел в светлой паутине В золотой стоит овчине, Свет фонарного луча До высокого плеча.

Разве кошка, встрепенувшись, Черным зайцем обернувшись, Вдруг простегивает путь, Исчезая где-нибудь.

Как дрожала губ малина, Как поила чаем сына, Говорила наугад, Ни к чему и невпопад.

Как нечаянно запнулась, Изолгалась, улыбнулась Так, что вспыхнули черты Неуклюжей красоты.

Есть за куколем дворцовым И за кипенем садовым Заресничная страна, Там ты будешь мне жена.

Выбрав валенки сухие И тулупы золотые, Взявшись за руки, вдвоем, Той же улицей пойдем,

Без оглядки, без помехи На сияющие вехи От зари и до зари Налитые фонари. Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону, "Феникс", 1996.

* * * "Мороженоно!" Солнце. Воздушный бисквит. Прозрачный стакан с ледяною водою. И в мир шоколада с румяной зарею, В молочные Альпы, мечтанье летит.

Но, ложечкой звякнув, умильно глядеть И в тесной беседке, средь пыльных акаций,

Стихи (2). Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Принять благосклонно от булочных граций В затейливой чашечке хрупкую снедь...

Подруга шарманки, появится вдруг Бродячего ледника пестрая крышка И с жадным вниманием смотрит мальчишка В чудесного холода полный сундук.

И боги не ведают – что он возьмет: Алмазные сливки иль вафлю с начинкой? Но быстро исчезнет под тонкой лучинкой, Сверкая на солнце, божественный лед. Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону, "Феникс", 1996.

* * * Как кони медленно ступают, Как мало в фонарях огня! Чужие люди, верно, знают, Куда везут они меня.

А я вверяюсь их заботе. Мне холодно, я спать хочу; Подбросило на повороте, Навстречу звездному лучу.

Горячей головы качанье И нежный лед руки чужой, И темных елей очертанья, Еще невиданные мной. Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону, "Феникс", 1996.

* * * За то, что я руки твои не сумел удержать, За то, что я предал соленые нежные губы, Я должен рассвета в дремучем Акрополе ждать. Как я ненавижу пахучие, древние срубы!

Ахейские мужи во тьме снаряжают коня, Зубчатыми пилами в стены вгрызаются крепко, Никак не уляжется крови сухая возня, И нет для тебя ни названья, ни звука, ни слепка.

Как мог я подумать, что ты возвратишься, как смел? Зачем преждевременно я от тебя оторвался? Еще не рассеялся мрак и петух не пропел, Еще в древесину горячий топор не врезался.

Прозрачной слезой на стенах проступила смола, И чувствует город свои деревянные ребра, Но хлынула к лестницам кровь и на приступ пошла, И трижды приснился мужам соблазнительный образ.

Где милая Троя? Где царский, где девичий дом? Он будет разрушен, высокий Приамов скворешник. И падают стрелы сухим деревянным дождем, И стрелы другие растут на земле, как орешник.

Последней звезды безболезненно гаснет укол, И серою ласточкой утро в окно постучится, И медленный день, как в соломе проснувшийся вол, На стогах, шершавых от долгого сна, шевелится. Чудное Мгновенье. Любовная лирика русских поэтов. Москва, "Художественная литература", 1988.

* * * Холодок щекочет темя, И нельзя признаться вдруг, И меня срезает время, Как скосило твой каблук.

Жизнь себя перемогает, Понемногу тает звук, Всё чего-то не хватает, Что-то вспомнить недосуг.

А ведь раньше лучше было, И, пожалуй, не сравнишь, Как ты прежде шелестила, Кровь, как нынче шелестишь.

Видно, даром не проходит Шевеленье этих губ, И вершина колобродит, Обреченная на сруб. 1922 Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону, "Феникс", 1996.

* * * Отравлен хлеб, и воздух выпит: Как трудно раны врачевать!

1000 Иосиф, проданный в Египет, Не мог сильнее тосковать. Под звездным небом бедуины, Закрыв глаза и на коне, Слагают вольные былины О смутно пережитом дне. Немного нужно для наитий: Кто потерял в песке колчан, Кто выменял коня, – событий Рассеивается туман. И, если подлинно поется И полной грудью, наконец, Все исчезает – остается Пространство, звезды и певец! 1913 Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону, "Феникс", 1996.

ЛЕНИНГРАД я вернулся в мой город, знакомый до слез, До прожилок, до детских
Страница 5

Стихи (2). Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
припухлых желез.

Ты вернулся сюда, так глотай же скорей Рыбий жир ленинградских речных фонарей,
Узнавай же скорее декабрьский денек, Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург! я еще не хочу умирать! У тебя телефонов моих номера.

Петербург! У меня еще есть адреса, По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок Ударяет мне вырванный с мясом звонок,

И всю ночь напролет жду гостей дорогих, Шевеля кандалами цепочек дверных.
Декабрь 1930 Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека поэзии.
Ростов-на-Дону, "Феникс", 1996.

* * * За Паганини длиннопалым Бегут цыганскою гурьбой Кто с чохом чех, кто с
польским балом, А кто с венгерской немчурой.

Девчонка, выскочка, гордячка, Чей звук широк, как Енисей, Утешь меня игрой своей:
На голове твоей, полячка, Марины Мнишек холм кудрей, Смычок твой мнителен,
скрипачка.

Утешь меня Шопеном чалым, Серьезным Брамсом, нет, постой: Парижем
мощно-одичалым, Мучным и потным карнавалом Иль брагой Вены молодой

Вертлявой, в дирижерских фрячках. В дунайских фейерверках, скачках И вальс из
гроба в колыбель Переливающей, как хмель.

Играй же на разрыв аорты С кошачьей головой во рту, Три чорта было - ты
четвертый, Последний чудный чорт в цвету. 5 апреля - июль 1935 Строфы века.
Антология русской поэзии. Сост. Е.Евтушенко. Минск-Москва, "Полифакт", 1995.

* * * Мне холодно. Прозрачная весна В зеленый пух Петрополь одевает, Но, как
медуза, невская волна Мне отвращенье легкое внушает. По набережной северной реки
Автомобилей мчатся светляки, Летят стрекозы и жуки стальные, Мерцают звезд
булавки золотые, Но никакие звезды не убьют Морской воды тяжелый изумруд. 1916
Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону,
"Феникс", 1996.

* * * Куда как страшно нам с тобой, Товарищ большеротый мой!

Ох, как крошится наш табак, Щелкунчик, дружок, дурак!

А мог бы жизнь просвистать скворцом, Заесть ореховым пирогом...

Да, видно, нельзя никак. 1930 Мысль, вооруженная рифмами. изд.2е. Поэтическая
антология по истории русского стиха. Составитель В.Е.Холшевников. Ленинград,
Изд-во Ленинградского университета, 1967.

* * * Колют ресницы, в груди прикипела слеза. Чую без страху, что будет и будет
гроза. Кто-то чудной меня что-то торопит забыть. Душно,- и все-таки до смерти
хочется жить.

С пар приподнявшись на первый раздавшийся звук, Дико и сонно еще озираясь
вокруг, Так вот бушлатник шершавую песню поет В час, как полоской заря над
острогом встает. Март 1931 Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека
поэзии. Ростов-на-Дону, "Феникс", 1996.

* * * Только детские книги читать, Только детские думы лелеять, Все большое
далеко развеять, Из глубокой печали восстать.

Я от жизни смертельно устал, Ничего от нее не приемлю, Но люблю мою бедную 1000
землю Оттого, что иной не видал.

Я качался в далеком саду На простой деревянной качели, И высокие темные ели
Вспоминаю в туманном бреду. 1908 Строфы века. Антология русской поэзии. Сост.
Е.Евтушенко. Минск-Москва, "Полифакт", 1995.

Стихи (2). Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru

* * * Образ твой, мучительный и зыбкий, Я не мог в тумане осязать. "Господи!" - сказал я по ошибке, Сам того не думая сказать.

Божье имя, как большая птица, Вылетало из моей груди. Впереди густой туман клубится, И пустая клетка позади. 1912 Строфы века. Антология русской поэзии. Сост. Е.Евтушенко. Минск-Москва, "Полифакт", 1995.

ЧАРЛИ ЧАПЛИН Чарли Чаплин
вышел из кино. Две подметки,
заячья губа, Две гляделки,
полные чернил И прекрасных
удивленных сил. Чарли Чаплин
заячья губа, Две подметки
жалкая судьба. Как-то мы живем неладно все
чужие, чужие. Оловянный
ужас на лице, Голова не
держится совсем. Ходит сажа,
вакса семенит, И тихонько
Чаплин говорит: Для чего я славен и любим
и даже знаменит? И ведет его шоссе большое
к чужим, к чужим. Чарли Чаплин,
нажимай педаль, Чаплин, кролик,
пробивайся в роль. Чисти корольки,
ролики надень, А твоя жена
слепая тень. И чудит, чудит
чужая даль.

Отчего
у Чаплина тюльпан, Почему
так ласкова толпа? Потому
что это ведь Москва. Чарлн, Чарли,
надо рисковать. Ты совсем
не вовремя раскис. Котелок твой
тот же океан, А Москва так близко, хоть влюбись

в дорогу, дорогу. Начало июня 1937 Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону, "Феникс", 1996.

* * * Я около Кольцова, Как сокол, закольцован И нет ко мне гонца, И дом мой без крыльца.

К ноге моей привязан Сосновый синий бор. Как вестник без указа, Распахнут кругозор.

В степи кочуют кочки И всё идут, идут Ночлеги, ночи, ночки Как бы слепых везут... 9 января 1937 Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону, "Феникс", 1996.

* * * Среди лесов, унылых и заброшенных, Пусть остается хлеб в полях нескошенным! Мы ждем гостей незваных и непрошенных, Мы ждем гостей!

Пускай гниют колосья перезрелые! Они придут на нивы пожелтелые, И не сносить вам, честные и смелые, Своих голов!

Они растопчут нивы золотистые, Они разроют кладбище тенистое, Потом развяжет их уста нечистые Кровавый хмель!

Они ворвутся в избы почернелые, Зажгут пожар - хмельные, озверелые... Не остановят их седины старца белые, Ни детский плач!

Среди лесов, унылых и заброшенных, Мы оставляем хлеб в полях нескошенным. Мы ждем гостей незваных и непрошенных, Своих детей! 1906 Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону, "Феникс", 1996.

* * * Тянется лесом дороженька пыльная, Тихо и пусто вокруг. Родина, выплавав слезы обильные, Спит, и во сне, как рабыня бессильная, Ждет неизведанных мук.

Вот задрожали березы плакучие И встрепелулися вдруг, Тени легли на дорогу сыпучую: Что-то ползет, надвигается тучею, Что-то наводит испуг...

С гордой осанкою, с лицами сытыми... Ноги торчат в стременах. Серую пыль поднимают копытами И колеи оставляют изрытыми... Все на холеных конях.

Нет им конца. Заостренными пиками В солнечном свете пестрят. Воздух 1000 наполнили песней и криками, И огоньками звериными, дикими Черные очи горят...

Прочь! Не тревожьте поддельным веселием Мертвого, рабского сна. Скоро порадуют вас новоселием, Хлебом и солью, крестьянским изделием... Крепче нажать стремя!

Скоро столкнется с звериными силами Дело великой любви! Скоро покроется поле могилами, Синие пики обнимутся с вилами И обагрятся в крови! Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону, "Феникс", 1996.

* * * Жил Александр Герцович, Еврейский музыкант, Он Шуберта наворачивал, Как чистый бриллиант.

И всласть, с утра до вечера, Заученную вхруст, Одну сонату вечную Играл он наизусть...

Что, Александр Герцович, На улице темно? Брось, Александр Герцович, Чего там?.. Всё равно...

Пускай там нтальяночка, Покуда снег хрустит, На узеньких на саночках За Шубертом летит.

Нам с музыкой-голубою Не страшно умереть, А там - вороньей шубою На вешалке висеть...

Все, Александр Герцович, Заверчено давно, Брось, Александр Скерцович, Чего там?.. Всё равно... 27 марта 1931 Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону, "Феникс", 1996.

SILENTIUM Она еще не родилась, Она и музыка и слово, И потому всего живого Ненарушаемая связь.

Спокойно дышат моря груди, Но, как безумный, светел день, И пены бледная сирень В черно-лазоревои сосуде.

Да обретут мои уста Первоначальную немоту, Как кристаллическую ноту, Что от рождения чиста!

Стихи (2). Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Останься пеной, Афродита, И слово в музыку вернись, И сердце сердца устыдись, С первоосновой жизни слито! 1910 Строфы века. Антология русской поэзии. Сост. Е.Евтушенко. Минск-Москва, "Полифакт", 1995.

* * * Дано мне тело – что мне делать с ним, Таким единым и таким моим?

За радость тихую дышать и жить Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник, я же и цветок, В темнице мира я не одинок.

На стекла вечности уже легло Мое дыхание, мое тепло.

Запечатлеется на нем узор, Неузнаваемый с недавних пор.

Пуškai мгновения стекает муть Узора милого не зачеркнуть. 1909 Строфы века. Антология русской поэзии. Сост. Е.Евтушенко. Минск-Москва, "Полифакт", 1995.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТРОФЫ

Н. Гумилеву

Над желтизной правительственных зданий Кружилась долго мутная метель, И правовед опять садится в сани, Широким жестом запахнув шинель.

Зимуют пароходы. На припеке Зажглось каюты толстое стекло. Чудовищна, как броненосец в доке, Россия отдыхает тяжело.

А над Невою – посольства полумира, Адмиралтейство, солнце, тишина! И государства жесткая порфира, Как власяница грубая, бедна.

Тяжка обуза северного сноба Онегина старинная тоска; На площади Сената – вал сугроба, Дымок костра и холодок штыка...

Черпали воду ялики, и чайки Морские посещали склад пеньки, Где, продавая сбитень или сайки, Лишь оперные бродят мужики.

Летит в туман моторов вереница; Самолюбивый, скромный пешеход Чудак Евгений – бедности стыдится, Бензин вдыхает и судьбу клянет! Январь 1913 Строфы века. Антология русской поэзии. Сост. Е.Евтушенко. Минск-Москва, "Полифакт", 1995.

НАШЕДШИЙ ПОДКОВУ (Пиндарический отрывок)

Глядим на лес и говорим: – Вот лес корабельный, мачтовый, Розовые сосны, До самой верхушки свободные от мохнатой ноши, Им бы поскрипывать в бурю, Одинокими пиниями, В разъяренном безлесном воздухе; Под соленую пятою ветра устоит отвес,

пригнанный к пляшущей палубе, И мореплавателю, В необузданной жажде пространства, Влача через влажные рытвины хрупкий

1000

прибор геометра, Сличит с притяженьем земного лона Шероховатую поверхность морей.

А вдыхая запах Смолистых слез, проступивших сквозь

обшивку корабля, Любуясь на доски Заклепанные, слаженные в переборки Не вифлеемским мирным плотником,

а другим Отцом путешествий, другом морехода, Говорим:

– И они стояли на земле, Неудобной, как хребет осла, Забывая верхушками о корнях На знаменитом горном кряже, И шумели под пресным ливнем, Безуспешно предлагая небу выменять

на щепотку соли Свой благородный груз.

С чего начать? Всё трещит и качается. Воздух дрожит от сравнений. Ни одно слово

Стихи (2). Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
не лучше другого, Земля гудит метафорой, И легкие двуколки, В броской упряжи
густых от натуги птичьих

стай, Разрываются на части, Соперничая с храпящими любимцами

ристалищ.

Трижды блажен, кто введет в песнь имя; Украшенная названьем песнь Дольше живет
среди других Она отмечена среди подруг повязкой на лбу, Исцеляющий от
беспамятства, слишком

сильного одуряющего запаха Будь то близость мужчины, Или запах шерсти сильного
зверя, Или просто дух чебра, растертого между

ладоней.

Воздух бывает темным, как вода, и всё живое в нем плавает, как рыба, Плавниками
расталкивая сферу, Плотную, упругую, чуть нагретую, Хрусталь, в котором движутся
колеса

и шарахаются лошади, Влажный чернозем Нееры, каждую ночь

распаханный заново Вилами, трезубцами, мотыгами, плугами. Воздух замешен так же
густо, как земля, Из него нельзя выйти, в него трудно войти.

Шорох пробегает по деревьям зеленой

лаптой: Дети играют в бабки позвонками умерших

животных. Хрупкое исчисление нашей эры подходит

к концу. Спасибо за то, что было: я сам ошибся, я сбился, запутался в счете. Эра
звенела, как шар золотой, Полая, литая, никем не поддерживаемая, На всякое
прикосновение отвечала

"да" и "нет". Так ребенок отвечает: "Я дам тебе яблоко" или "Я не дам тебе
яблока". И лицо его точный слепок с голоса, который

произносит эти слова.

Звук еще звенит, хотя причина звука исчезла. Конь лежит в пыли и храпит в мыле,
Но крутой поворот его шеи Еще сохраняет воспоминание о беге

с разбросанными ногами, Когда их было не четыре, А по числу камней дороги,
Обновляемых в четыре смены, По числу отталкивания от земли пышущего

жаром иноходца.

Так Нашедший подкову Сдувает с нее пыль И растирает ее шерстью, пока она

не заблестит, Тогда Он вешает ее на пороге, Чтобы она отдохнула, И больше уж ей
не придется высекать

искры из кремня. Человеческие губы, которым больше нечего

сказать, Сохраняют форму последнего сказанного

слова, И в руке остается ощущение тяжести, Хотя кувшин

наполовину расплескался,

пока его несли

домой.

То, что я сейчас говорю, говорю не я, А вырыто из земли, подобно зернам

Стихи (2). Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
окаменелой пшеницы. Одни

на монетах изображают льва, Другие

голову. Разнообразные медные, золотые и бронзовые

лепешки С одинаковой почестью лежат в земле; Век, пробуя их перегрызть, оттиснул на них

свои зубы. Время срезает меня, как монету, И мне уж не хватает меня самого. 1923
Строфы века. Антология русской поэзии. Сост. Е.Евтушенко. Минск-Москва,
"Полифакт", 1995.

* * * Сегодня ночью, не солгу, По пояс в тающем снегу Я шел с чужого полустанка.
Гляжу - изба: вошел в fb4 сенцы, Чай с солью пили чернецы, И с ними балует
цыганка.

У изголовья, вновь и вновь, Цыганка вскидывает бровь, И разговор ее был жалок.
Она сидела до зари И говорила:- Подари. Хоть шаль, хоть что, хоть полушалок...

Того, что было, не вернешь, Дубовый стол, в солонке нож, И вместо хлеба - ёж
брюхатый; Хотели петь - и не смогли, Хотели встать - дугой пошли Через окно на
двор горбатый.

И вот проходит полчаса, И гарнцы черного овса Жуют, похрустывая, кони; Скрипят
ворота на заре, И запрягают на дворе. Теплеют медленно ладони.

Холщовый сумрак поредел. С водою разведенный мел, Хоть даром, скука разливает, И
сквозь прозрачное рядно Молочный день глядит в окно И золотушный грач мелькает.
1925 Строфы века. Антология русской поэзии. Сост. Е.Евтушенко. Минск-Москва,
"Полифакт", 1995.

* * * Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем! Я нынче славным бесом обуян,
Как будто в корень голову шампунем Мне вымыл парикмахер франсуа.

Держу пари, что я еще не умер, И, как жокей, ручаюсь головой, что я еще могу
набедокурить на рысистой дорожке беговой.

Держу в уме, что нынче тридцать первый Прекрасный год в черемухах цветет, что
возмужали дождевые черви И вся Москва на яликах плывет.

Не волноваться. Нетерпенье - роскошь, Я постепенно скорость разовью Холодным
шагом выйдем на дорожку Я сохранил дистанцию мою. 7 июня 1931 Строфы века.
Антология русской поэзии. Сост. Е.Евтушенко. Минск-Москва, "Полифакт", 1995.

* * * Мы живем, под собою не чуя страны, Наши речи за десять шагов не слышны, А
где хватит на полразговорца, Там припомнят кремлёвского горца. Его толстые
пальцы, как черви, жирны, А слова, как пудовые гири, верны, Тараканьи смеются
усища, И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей, Он играет услугами полулюдей. Кто свистит,
кто мяучит, кто хнычет, Он один лишь бабачит и тычет, Как подкову, кует за
указом указ:

Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз. Что ни казнь у него - то
малина И широкая грудь осетина. Ноябрь 1933 Строфы века. Антология русской
поэзии. Сост. Е.Евтушенко. Минск-Москва, "Полифакт", 1995.

* * * Мастерница виноватых взоров, Маленьких держательница плеч! Усмирен мужской
опасный норов, Не звучит утопленница-речь.

Ходят рыбы, рдея плавниками, Раздувая жабры: на, возьми! Их, бесшумно охающих
ртами, Полухлебом плоти накорми.

Мы не рыбы красно-золотые, Наш обычай сестринский таков: В теплом теле ребрышки
худые И напрасный влажный блеск зрачков.

Маком бровки мечен путь опасный... Что же мне, как янычару, люб Этот крошечный,
Страница 11

Стихи (2). Осип Эмильевич Мандельштам mandelshtamjoseph.ru
летуче-красный, Этот жалкий полумесяц губ?..

Не сердчай, турчанка дорогая: Я с тобой в глухой мешок зашьюсь, Твои речи темные
глотаю, За тебя кривой воды напьюсь.

Ты, Мария, - гибнушим подмога, Надо смерть предупредить - уснуть. Я стою у твоего
порога. Уходи, уйди, еще побудь. Февраль 1934 Строфы века. Антология русской
поэзии. Сост. Е.Евтушенко. Минск-Москва, "Полифакт", 1995.

* * * Это какая улица? Улица Мандельштама. Что за фамилия чертова Как ее ни
вывертывай, Криво звучит, а не прямо.

Мало в нем было линейного, Нрава он был не лилейного, И потому эта улица, Или,
верней, эта яма Так и зовется по имени Этого Мандельштама... Апрель 1935 Строфы
века. Антология русской поэзии. Сост. Е.Евтушенко. Минск-Москва, "Полифакт",
1995.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mandelshtamjoseph.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!